

Научная статья

УДК 82

DOI 10.46698/u2401-4214-9089-I

И.С. Хугаев

Опыт введения в историю и поэтику осетинской русскоязычной литературы XX века: о внешних факторах развития осетинского литературного транслингвизма

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, Россия, Владикавказ, shmiksel@rambler.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка специального описания основных факторов развития осетинской русскоязычной литературы (ОРЛ) XX века. Определяются онтологические границы понятия ОРЛ, история вопроса, теоретико-методологическая база его решения и его общие задачи; дается предварительная характеристика ОРЛ со стороны ее языковой природы, фольклорно-литературных и межлитературных связей, художественно-переводческого материала, творческих методологий и соотношения этнокультурного нарратива и государственно-политического дискурса.

Ключевые слова: осетинская литература, русская литература, осетинская русскоязычная литература, младописьменность, билингвизм, транслингвизм, факторы, семиозис, перевод, социалистический реализм, этнокультурный субстрат, идеология

Для цитирования: Хугаев И.С. Опыт введения в историю и поэтику осетинской русскоязычной литературы XX века: о внешних факторах развития осетинского литературного транслингвизма // Вестник Владикавказского научного центра. 2025. Т. 25. № 4. С. 72–83. DOI 10.46698/u2401-4214-9089-I

Experience of Introducing the History and Poetics of 20th-Century Ossetian Literature in Russian: On the External Factors in the Development of Ossetian Literary Translinguism

Irlan S. Khugaev

Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Center for Scytho-Alanic Studies, Chief Researcher, Doctor of Philology, shmiksel@rambler.ru

Abstract. The article offers an attempt of a specialised description of the main factors that shaped the development of Ossetian literature written in Russian (OLR) during the 20th century. It defines the ontological boundaries of the concept of OLR, outlines its historical background, the theoretical and methodological foundations of its analysis, and its general objectives. The paper provides a preliminary characterisation of OLR in terms of its linguistic nature, links with folklore and other literatures, artistic and translational practices, and creative methodologies. Particular attention is paid to the interaction between ethnocultural narrative and state-political discourse.

Keywords: Ossetian literature, Russian literature, Ossetian literature in Russian, emerging written tradition, bilingualism, translinguism, factors, semiosis, translation, socialist realism, ethnocultural substratum, ideology

For citation: Khugaev I.S. Experience of Introducing the History and Poetics of 20th-Century Ossetian Literature in Russian: On the External Factors in the Development of Ossetian Literary Translinguism // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS. 2025. Vol. 25. No.4. P. 72–82. DOI 10.46698/u2401-4214-9089-I

1. Постановка вопроса

Предмет, который мы намерены осветить в его дальнейшей (в XX веке) эволюции, прежде обозначался нами как РЯОЛ (русскоязычная осетинская литература). Здесь и сейчас мы даем ему новое имя – ОРЛ. Оно и компактнее, и точнее: оно учитывает отношение темы и ремы – прежде всего это литература осетинская, и уже потом – русскоязыч-

ная. Этот основной для нас вопрос филологии мы решаем идеалистически: мы исходим из примата духа (содержания) над материей (языком).

1.1. Онтологические границы понятия ОРЛ

Понятие осетинской русскоязычной (транслингвальной) литературы уже введено в академический научный оборот [1] и в известном смысле закрепле-

но в осетинском общественном и профессиональном филологическом сознании. Последнее по разным причинам все еще сопротивляется данному понятию, рассматривая его как терминологический прецедент, таящий опасность для литературного суверенитета, как «угрозу злокачественного перерождения национальной литературы» [2, с. 98], при этом находя методологическую опору в работах известных ученых и писателей, как осетинских, так и русских. «...Национальная литература может существовать лишь на национальном языке... создание национальной литературной традиции на инациональном языке – фикция» [3, с. 25], – утверждал Н.Г. Джусойты; «...писатель любой национальности, пишущий по-русски, является русским писателем» [4, с. 39], – настаивал С.В. Михалков. Очевидно, что такого рода крайние суждения, будучи обусловлены вполне законными, в условиях полилингвальной и глобалистской эпохи, культурно-охранными приоритетами, не отвечают задачам строго научного, всестороннего и объективного исследования предмета. Они не учитывают ряд принципиальных обстоятельств и соображений и неслучайно ассоциируются, ввиду радикальности, с националистическим (мы используем этот термин в сугубо гуманитарном, а не политическом смысле) подходом в осмыслении национального литературного наследия.

Бесперспективность концепций, признающих в языке единственный и / или основополагающий критерий этнокультурной идентичности литературного текста, становится особенно явной, когда их теоретики сами используют понятие русскоязычия, – и когда включают те или иные транслингвальные тексты в описание своей национальной литературной истории. Так, в свое время В.И. Абаев ставил на вид Н.Г. Джусойты, что в его диссертации подробно рассматривается наследие Инала Канукова, «не написавшего ни одной строчки на осетинском языке» [5, с. 71–72]: в этом В.И. Абаев усматривал явное противоречие с базовыми декларациями исследователя.

Здесь нет нужды в подробной аргументации нашего подхода к проблеме национального литературного транслингвизма; он всесторонне и тщательно отражен в ряде предшествующих работ¹; но не зафиксировать этот подход в главных пунктах было бы упущением, именно поскольку мы приступаем к новому исследованию и к качественно новому периоду истории ОРЛ, и данная работа открывает цикл статей по вопросам ее эволюции и поэтики.

Мы исходим из того (и считаем это вполне доказанным), что ОРЛ – это органическое явление

осетинской культуры и произведение осетинского духа, осетинского мировосприятия и самовыражения. «Двуязычие, – писал В.И. Абаев, – это не нечто навязываемое нам (осетинам. – И. Х.) извне, а наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба» [6, с. 294]. Отсюда следует, что и литературное иноязычие (транслингвизм) является нашей национальной судьбой, и до тех пор, пока осетины исповедуют свой национальный дух и выражают национальный характер, вопрос о том, средствами какого языка это достигается, вторичен с литературоведческой точки зрения. А первично здесь другое: «Есть то, – писал В.А. Жуковский, – что всем нам нравится, и то, что нравится в особенности одному какому-нибудь народу. Частный характер народов чувствителен во всех отношениях... Вкусы наций различны. Страсти везде одинаковы, но их изображение различно» [7, с. 56]. Последнее различие относится не только к языкам.

В своем месте мы показали, что ОРЛ берет пространственное и временное начало в точке соприкосновения русской и осетинской национальных культур; таким образом, она является феноменом умозрительной русско-осетинской пограничной культурной зоны и занимает, выражаясь формально, некое промежуточное положение между собственно осетинской литературой (литературой на осетинском языке) и собственно русской литературой. Соответственно, исследование истории и поэтики ОРЛ на любом этапе ее развития предполагает постоянное внимание, с одной стороны, к русской литературе (РЛ), с другой – к осетинской осетиноязычной литературе (ОЛ).

Схематически положение вещей может быть представлено в виде последовательных звеньев цепи: ОЛ – ОРЛ – РЛ, – и, соответственно тому, как в соседствующих здесь аббревиатурах присутствуют общие знаки, так и умозрительные пространства, ими очерчиваемые, частично накладываются друг на друга, образуя «подмножественные» области, которые выражают наличие интенсивного идейно-художественного взаимодействия, переводных либо билингвальных текстов, либо текстов, проблемных в смысле этнокультурной аутентичности.

Правомерна и другая схема, при которой мы имеем три сферы, последовательно заключенные одна в другую и тоже обладающие общими пограничными зонами: внутренней выступает ОЛ, средней – ОРЛ, внешней – РЛ.

Первое представление более наглядно, второе – более адекватно: это – осетиноцентристская картина мира, присущая нашему литературному

¹ См.: Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ: Ир, 2008. 559 с.; Хугаев И.С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Владикавказ, 2010. 47 с.; Хугаев И.С. Общие методологические подходы к изучению генезиса и истории русскоязычной осетинской литературы // Вестник РУДН, 2008, № 4. С. 12–20; Хугаев И.С. О природе осетинской литературы с точки зрения теории билингвизма и транслингвизма // Вестник РУДН, 2009, № 1. С. 58–68; Хугаев И.С. Культурологическое значение младописьменной транслингвальной литературы (на примере осетинской русскоязычной литературы): актуализация и упразднение границы // Вестник МГОУ, 2009, № 2. 177–189; Хугаев И.С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Вестник МГОУ, 2010, № 1. С. 168–178; Хугаев И.С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы // Вестник ВНЦ, 2013. № 1. С. 2–6.

сознанию, для которого родная художественная словесность (с «Ирон фандыр» Коста Хетагурова в самом ее центре) со всех сторон омывается водами русского литературного моря².

При этом, пытаясь конкретизировать внутреннее и внешние границы ОРЛ, мы заметим, что внешние более размыты и неопределенны, чем внутренние, — именно в той мере, в какой язык выступает более материальным — осязаемым и зримым — критерием, нежели смысл; ОРЛ и ОЛ роднит общность духа (идейного содержания), а ОРЛ и РЛ — общность знаковой системы (языковой формы).

Где пролегает онтологическая граница между русской литературой и русскоязычной осетинской литературой? Язык — важнейший критерий национальной идентичности литературы, но не абсолютный критерий. Чужой язык и своя культура состоят, в творческом акте, в сложном диалектическом взаимодействии, в борьбе и единстве, решительно определяющем идейно-пластическую самобытность транслингвальных текстов. Влияния и экспансии как одностороннего акта в природе — в том числе и в природе духовных явлений — не существует; оно всегда чревато взаимностью; всякое воздействие провоцирует равное ему противодействие; если очевидно, что чужой язык способен проникать в свою культуру, то, хоть и менее очевидно, но логически бесспорно то, что своя культура, даже и уступая внешнему нажиму, проникает в чужой язык. Граница национальной транслингвальной литературы может пролегать где угодно в весьма широкой области между полюсами собственно русской литературы и собственно осетинской литературы; насколько осетин, пишущий на русском языке, перестает быть осетином, настолько и русский язык перестает быть сугубо таковым, когда по-русски пишет осетин.

То есть мы настаиваем на том, что и самого совершенного знания языка недостаточно для создания литературного произведения. Уже сама по себе современная литература во всем ее языковом, стилистическом и тематическом разнообразии показывает, что совершенное владение языком не гарантирует искусства. Подлинная литература (в отличие от литературной продукции, «прессы», обязанной своим существованием буржуазной моде и уличному поветрию) произрастает исключительно из этнокультурного корня; творчество — это форма этнокультурного образа жизни, поведения и мышления; талант не существует вне культуры.

Такой подход к целым литературным эпохам и отдельным явлениям литературы мы ассоциируем с «главным условием истинного художественного произведения» по Льву Толстому, именно с требованием «правильного, то есть нравственного, отношения автора к предмету [изображения]» [8, с. 117–118]. Нравственный взгляд формируется только в лоне традиционной национальной культу-

ры и воспитания. Категории этики и эстетики имеют универсальный характер, но отличать высокое от низкого, должное от недолжного, красивое от безобразного человек научается среди своего народа. Прежде всего именно этим углом зрения на действительность, который находит выражение в отборе явлений действительности, в акцентировании тех или иных проблем, в использовании того или иного круга аналогий и аллюзий, а не языком текста как таковым, определяется этнокультурная идентичность писателя.

«Каждый год во время каникул, — пишет Гайто Газданов, — я ездил на Кавказ, где жили многочисленные родные моего отца. Там из дома моего деда, стоявшего на окраине города, я уходил в горы... Вдалеке, на горах, блестел снег — и я вспоминал... о сугробе, который видел возле Минска несколько лет тому назад» [9, с. 61]. «Из-за этих гигантских домов, — пишет Рустем Балаев, — улицы центра похожи на горные ущелья, по обеим сторонам которых сгрудились скалы-небоскребы» [10]. Сравнение гор с сугробами выказывает человека равнины; сравнение небоскребов с горами выказывает горца.

«Один очерк, один тип, один художественный мажор у природы и ее подражателя — человека» [11, с. 33]. Объекты чуждого мира писатель, вне зависимости от языка творчества, поверяет привычными образами родного: «И это холм? (...) У нас в Норвегии это называется ямой» [12, с. 177]. Пространственные и временные границы национального литературного транслингвизма лежат там, где окончательно угасают спонтанные структуры национального художественного мышления (или архетипы).

Осетинская русскоязычная литература XX века, как частное и самобытное явление национального литературного транслингвизма, и является предметом открываемого здесь цикла рассматриваний.

1.2. История, теоретическая база и методы и задачи исследования ОРЛ XX века

Стоит заметить, что этот предмет до сих пор не исследован в строго литературоведческом плане, ни в осетинской, ни в российской филологической науке. Последняя оговорка продиктована малообоснованными соображениями того рода, что если, например, «Коста вырос и воспитывался на русской культуре», то его «во многом нужно рассматривать в органической связи с русским историко-литературным процессом» [13, с. 66]. Возможно, отчасти оно так (именно что возможно, ибо где в этой формуле осетинская культура?); но, во всяком случае, опыт показывает, что русские литературоведы не занимаются текстами ОРЛ, именно поскольку этнокультурные корни явлений для них не всегда ясны, и они по умолчанию считают их явлениями нерусской литературы. ОРЛ, как дитя культурной границы, всегда рисковала остаться

² За линией горизонта, куда мы пока сознательно не пытаемся заглянуть, плещется мировой литературный океан. Его воздействие на климат ОЛ и ОРЛ безусловно, но слишком общо, и это освобождает нас от специальных привязок.

без пристрастия; наше убеждение состоит в том, что тексты ОРЛ могут успешно препарировать только осетинские специалисты.

При самом общем взгляде на научно-критическую литературу выявляется тот факт, что большинство академических работ по истории ОРЛ сфокусировано на литературном процессе (и его отдельных явлениях) XIX и начала XX вв., то есть на дореволюционной стадии. Таковы известные исследования Х.Н. Ардасенова, С.Ш. Габараева, Н.Г. Джусойты, Ш.Ф. Джикаева и других ученых. Из указанных авторов дальше всех по материалу XX века продвинулся Ш.Ф. Джикаев (до 40 гг. XX века), – однако и здесь, ввиду краткости очерка и, соответственно, крупного масштабирования картины вопросы истории ОРЛ не могли найти должного освещения, – тем более, что автором такая задача и не ставилась.

Наиболее полным исследованием и описанием ОРЛ XX века является коллективный труд ученых и писателей «Очерк истории осетинской советской литературы» (Орджоникидзе, 1967), в котором литературный процесс рассмотрен до 1964 года, – тоже, впрочем, без специального и всестороннего внимания к ОРЛ. Заметим в скобках, что, соответственно, наше исследование должно быть сфокусировано на ОРЛ, а ОРЛ предполагается если не сдвинуть на периферию, то рассматривать общо, как контекст главного предмета.

Помимо этого мы располагаем работами первых профессиональных осетинских критиков и литературоведов (Г.И. Дзасохов, Ц.С. Гадиев, А.А. Тибилов, Б.А. Алборов, Г.А. Дзагуров, И.В. Джанаев и др.); монографиями, очерками, статьями по отдельным вопросам ОРЛ XX века (В.И. Абаев, Н.Г. Джусойты, Л.Э. Цховребова, А.А. Хадарцева, К.Ц. Гутиев, Ю.В. Хоруев, Ш.Ф. Джикаев, З.Н. Суменова, З.М. Салагаева, С.Б. Сабаев, Р.Я. Фидарова, Н.Д. Цховребов, И.В. Мамиева, Х.-М.А. Дзуццати, В.Н. Цаллагов, М.Р. Казиты, Л.Б. Келехсаева, Л.В. Гостиева, В.И. Бекоев, Е.Б. Дзапарова, Д.К. Хетагурова и др.), диссертациями последнего времени о творчестве представителей ОРЛ XX века (Ахмеда Цаликова, Георгия Цаголова, Георгия Малиева, Алихана Токаева, Езетхан Уруймаговой, Хаджи-Мурата Мугуева, Василия Цаголова и др.), но до сих пор не предлагалось сколько-нибудь системного описания природы ОРЛ XX века в теоретико-поэтическом и историческом плане.

При этом, естественно, материал ОРЛ и ОРЛ XX века куда более обширен, сложен и более интересен, и не в последнюю очередь в силу сравнительной (а во многих отношениях уже и объективной) зрелости; здесь мы имеем дело не только с более широкой жанровой, тематической и стилистической парадигмой, но и большим количеством факторов, влияющих на литературный процесс, и источников, питающих индивидуальное литературное творчество; соответственно, здесь больше нюансов, маргиналий и провокаций.

Поэтому проблематика исследования требует широкой теоретико-методологической базы, выходящей за пределы осетиноведения. Большое значение имеют здесь труды по семиотике, типологии культуры, теории литературы, исторической поэтике, сравнительному литературоведению и истории русской литературы (Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, О.М. Фрейденберг, Ю.Н. Тынянов, Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев; В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, В.Ф. Переверзев и др.); современные исследования по этнокультурной аутентичности литературного текста и различным аспектам литературного билингвизма и транслингвизма (Г.Г. Гамзатов, К.К. Султанов, Г.Д. Гачев, Г.Т. Хухуни, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Ш.А. Кулиева, В.П. Синячкин, С.Г. Николаев, Г.М. Вишневская, З.М. Габуния, З.А. Кучукова, К.В. Балеевских и др.); по теории художественного перевода (К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, В.С. Модестов, В.А. Афанасьев, Ю.А. Солодуб и др.).

Следует, наконец, держать в поле зрения новейшие диссертации, исследующие би- и транслингвальную литературу других народов РФ и постсоветского пространства – белорусов (С.А. Гринберг), казахов (М.А. Логинова), кабардинцев (О.М. Абакарова), кумыков (А.А. Гаджиева), народов Дагестана (З.Г. Казбекова, С.Х. Гасанова), балкарцев (Н.П. Ленчик), карачаевцев (И.А. Резунова), адыгов (К.М. Шиков) и др.

С учетом очерченной здесь научной литературы наше исследование (здесь мы имеем в виду весь цикл намечаемых публикаций) предполагает использование широкого спектра современных филологических методологий. Приемы биографического метода необходимы в силу жанра предстоящей нам работы, подразумевающего воссоздание творческих портретов наиболее видных представителей ОРЛ; описательный метод целесообразен ввиду необходимости объективного (прежде всякой интерпретации) представления тех или иных художественных явлений; культурно-исторический и социологический методы позволяют выявлять свойства того или иного текста как продукта эпохи; приемы компаративистики и историко-типологического подхода откроют отношения ОРЛ с ОРЛ и РЛ и, там где это нужно, с европейскими литературами; наконец, мифопоэтический метод актуализируется для нас тучным этнокультурным субстратом, проявляющимся в текстах ОРЛ в виде переводов, обработок, цитат и реминисценций из осетинского народного эпоса и фольклора и, как мы сказали выше, в спонтанных, матричных структурах национального сознания и мышления, просвечивающих в русскоязычном тексте на различных уровнях содержания и формы.

Отсутствие описания ОРЛ XX века мы вовсе не хотим представить как упущение наших специалистов; целый ряд объективных причин, главной из которых выступает динамичность литературного процесса, на каждом этапе черпающего новыми тен-

денциями, равно как и осторожное отношение к понятию и дефиниции ОРЛ, до последнего времени не предрасполагали к такого рода разработкам.

Однако сегодня, когда «литературная эпоха завершилась» [14, с. 274], уже можно попытаться обобщить некоторые наблюдения и предложить гипотезы о природе ОРЛ XX века, – выявить главные факторы ее развития, основные макрохарактеристики и историческую динамику (периодическую систему). В этом и стоит задача предстоящих исследований. Именно на факторах мы, подчиняясь логическому ряду «факторы – свойства – динамика», и сфокусируем здесь наше внимание.

Нижеследующие построения не претендуют на полное исчерпание предлагаемых аспектов проблемы и, возможно, носят отчасти тривиальный характер. Но пролегомены для того и составляются, чтобы зафиксировать иногда и самые очевидные положения. Только так можно приступить и к неочевидным.

2. Факторы развития ОРЛ в XX веке

При описании генезиса и становления ОРЛ в XIX – начале XX века мы специально рассматривали комплекс объективных и субъективных предпосылок возникновения ОРЛ. Здесь эта задача уже не актуальна, но актуальность сохраняют обозначенные тогда основные предпосылки – осетинский фольклор и русская литература: для ОРЛ XX века они выступают уже важнейшими факторами развития. «Все наши молодые литературы, – констатировал Н.Г. Джусойты, – выросли на фольклорной почве, с одной стороны, и под влиянием (...) русской классики, с другой. Это общепризнанно и бесспорно» [3, с. 17]. Но, говоря об осетинской транслингвальной литературе, к этим факторам надо добавить и осетинскую литературу и периодическую печать, которые интенсивно развиваются с самого начала XX века³.

Итак, к факторам, в значительной степени влиявшим на развитие ОРЛ в XX веке, следует отнести: 1) события мирового исторического процесса и общественно-политической жизни в масштабе России и СССР, 2) русский и советский литературный процесс, 3) культурный и литературный процесс в Осетии в части ОЛ, 3) имманентные закономерности и тенденции литературного саморазвития в части ОРЛ. То есть они (факторы) подразделяются на литературные (и фольклорные, которые со временем также становятся литературными) и внелитературные, а литературные факторы могут быть как внутренними, так и внешними. На внешних ли-

тературных и социально-идеологических факторах мы и сфокусируем наше внимание, ибо внутренние (имманентные) представляют собой более тонкое и специальное явление (уже каждое значительное произведение литературы становится фактором развития данной литературы), и яснее всего они выявляются при специальном диахроническом наблюдении, в рамках исследования литературного процесса.

Когда мы говорим о внешних факторах литературной эволюции, прежде всего надо иметь в виду межлитературное взаимодействие и внешнее литературное влияние, а в таком качестве на первый план выходит явление литературного перевода: последний зримо, через интериоризацию нового текста, меняет само физическое тело литературы, дает новый творческий и методологический опыт и формирует художественное сознание всех участников литературного процесса; истинно, переводчики – это «почтовые лошади просвещения» [17, с. 179]. Другие факторы носят сравнительно абстрактный характер (и, думается, окончательное выражение находят, опять-таки, в переводах, интерпретациях, заимствованиях и подражаниях), поэтому здесь мы сосредоточимся на явлениях эмпирически достоверных.

Отношение ОЛ (и ОРЛ) – РЛ удобно рассматривать как взаимодействие различных семиосфер (механизмы семиозиса по Ю.М. Лотману), а отношение ОРЛ – ОЛ – как именно отношение периферии и ядра семиосферы. «Степень жесткости организации ослабляется от центра к периферии» [18, с. 99]. Ядро (ОЛ) более плотно и инертно, периферия (ОРЛ) – более аморфна и восприимчива к импульсам, идущим как из недр структуры, чтобы транслировать их вовне, так и из внешней среды системы (РЛ).

Такое видение предмета актуализирует понятие границы семиосферы (и любого культурного текста), которую, в силу ее абстрактного характера, «не следует представлять себе средствами конкретного воображения. Подобно тому как в математике границей называется множество точек, принадлежащих одновременно и внутреннему, и внешнему пространству, семиотическая граница – сумма билингвальных переводческих "фильтров", переход через которые переводит текст на другой язык» [19, с. 13].

«Перевод» у Лотмана обозначает в широком смысле интерпретацию знаково-символической структуры, для нас же здесь и сейчас этот термин наполняется конкретным смыслом – как обозначение

³ Помимо старых русскоязычных изданий («Казбек», «Терские ведомости» и др.) одно за другим появлялись, хоть их жизнь, как правило, не была слишком долгой, и осетиноязычные: газеты «Ирон газет» / «Осетинская газета» (1906), «Ног цард» / «Новая жизнь» (1907), журналы «Зонд» / «Разум» (1907), «Афсир» / «Колос» (1910), «Хуры тын» / «Луч солнца» (1912), которые «сыграли большую роль в росте политического сознания, национальной гордости и консолидации переводной интеллигенции» [15, с. 190]; в этой периодической печати «шлифовался язык осетинской политической публицистики, революционного призыва, едкого фельетона... Здесь вырабатывались язык, фразеология, лексика, терминология и стиль повседневного разговора писателей-демократов и революционеров – с народом. (...) На страницах журналов печатались рассказы, легенды, таураги, исторические сказы, предания, фельетоны, притчи, сказки, анекдоты, переводные произведения из русской прозы... Журналы явились важной вехой в развитии осетинской прозы, в процессе обработки языка прозы, художественной публицистики и политической речи» [16, с. 14].

ние важнейшего способа межлитературного обмена и взаимодействия.

Тем более что со временем значение литературного перевода существенно и поступательно возрастает; в пределах XX века переводчики еще не успели превратиться «из почтовых лошадей просвещения» в «сверхскоростные локомотивы глобализации» [20, с. 93], но без их непрестанной методичной работы невозможно представить себе развитие межкультурного, межлитературного и межкузыкового диалога.

Поэтому в рамках рассматриваемого вопроса будет целесообразно зафиксировать наше видение пространственных границ ОРЛ в аспекте переводной художественной литературы. Вот наша алгоритмизация проблемы: 1). Переводы из РЛ на осетинский язык остаются явлениями РЛ. 2). Переводы из ОЛ на русский язык, если они сделаны русскими писателями, остаются явлениями ОЛ, – не русскоязычной в принятом нами значении, а именно переводной осетинской литературы. 3). Переводы из ОЛ на русский язык, если они сделаны осетинами, билингвальными или транслингвальными, могут трактоваться как тексты ОРЛ. 4). Переводы из ОРЛ на осетинский язык могут трактоваться как тексты ОЛ.

2.1. ОРЛ и осетинский фольклор

«Фольклор явился могучей увертюрой к осетинской литературе, способствовал ее становлению и развитию» [21, с. 7]. Важность литературно-фольклорных связей в развитии любой литературы бесспорна; более того, качество литературы не в последнюю очередь определяется живостью и интенсивностью этих связей. Это, так сказать, связи по вертикали, которые выражают преемственность между сказителем и писателем и лучшей аллегорией которых выступает отношение кроны к корням. Не случайно М. Горький указывал, что «учиться литератору у литератора – это одно дело, а учиться литератору у первоисточника – это другое дело, потому что народное творчество дает большой фактический материал по знанию... народного духа, ознакомляет с древнейшими источниками наших предрассудков, предубеждений, суеверий и вместе с тем объясняет нарастание... чаяний, надежд, мечтаний о правде» [22, с. 11].

На протяжении всего XX века осетинское устное поэтическое творчество (естественно, уже зафиксированное письменно и освоенное фольклористами) служило неисчерпаемым источником как вдохновения, так и технической литературной работы: русскоязычные переводы, обработки, интерпретации сюжетов и образов национальной мифологии, эпоса и сказок, песен и легенд красной нитью проходят через всю ОРЛ так же, как через ОЛ. Достаточно вспомнить такие яркие образцы ОРЛ XX века, как эпос «Песни кавказских горцев. Герои-нарт» Александра Кубалова (1906), поэма «Симд нарт» Георгия Малиева (1922), эпос «Амран» Дзахо Гатуева (1932), драма «Нарт Батрадз»

К.Т. Казбекова и В.Б. Корзуна (1939), «Песнь о нарте Ацамазе» Андрея Гулуева (1941), пьеса-сказка «Златокудрые» Давида Туаева (1956), «Осетинские сказки» Созрыко Бритаева (1958), роман-миф, пьеса-сказка «Силач, богач и сирота Дзиго» Руслана Тотрова (1986), новелла, эпос «Сказания о Нартах» Георгия Тедеева (1997–2000) и многие другие тексты.

Специально стоит отметить, что, как это и следует из данного перечня, к ОРЛ мы относим не только произведения, созданные осетинами на русском языке, но и произведения, созданные осетинами на осетинском языке и впоследствии (тоже в XX веке) переведенные осетинами же на русский язык (для нас это принципиальная и актуальная позиция). Таковы, например, роман-миф Михаила Булкаты «Седьмой поход Сослана Нарты» (1983) (перевод Игоря Булкаты) и новелла Азамата Кайтукова «Последний поход Дзаха» (1989) (перевод Таймураза Саламова). Тем более это относится к текстам, подвергнутым русскоязычному переводу самим автором, – т. н. автопереводам (указанное выше произведение Давида Туаева), традицию которых в осетинской литературе заложили в первые десятилетия XX века Созрыко Бритаев и Тазрет Бесаев, а позднее развили еще и Кудзаг Дзесов, Тотырбек Джатиев, Георг Хугаев, Мисост Басиев, Сергей Марзоев, Максим Цагараев [23, с. 221].

К ОРЛ мы, таким образом, не причисляем множество русскоязычных изданий Нартовского и Даредзановского эпосов и интерпретаций отдельных сюжетов, вышедших в печати в XX веке – переводы и обработки С.М. Городецкого (1922), В.А. Дынник (1944–1949), Ю.Н. Либединского (1948), Рюрика Ивнева (1957), наконец, до настоящего времени не опубликованные работы Муссы Хакима (М.Г. Домбы) и Ады Владимировой (О.В. Ивойловой) (конец 1940 – начало 50-х гг.). При этнокультурной идентификации переводов фольклорных произведений (как и вообще произведений ОЛ) решающую роль играет этнокультурная идентичность переводчика.

Кроме того, надо иметь в виду и огромное число русскоязычных произведений – как лирических (Георгий Малиева, Георгий Цаголова, Андрея Гулуева, Ирины Гуржибековой, Юрия Боциева, Асланбека Бритаева, Германа Гудиева) так и эпических и драматических (Арсена Коцоева, Елбасдуко Бритаева, Ахмеда Цаликова, Хаджи-Мурата Мугуева, Езетхан Уруймаговой, Василия Цаголова, Георгия Хугаева, Нафи Джусойты, Георгия Черчесова, Георгия Тедеева, Анатолия Дзантиева), в той или иной (пусть не самодовлеющей и доминирующей) форме содержащих фольклорно-мифологические образы и мотивы.

Очевидно, значительный удельный вес элемента устно-поэтического народного творчества, выступающего этнокультурным субстратом ОРЛ и сказывающегося как на ее жанровой, так и на стилистической системе, сам по себе является ярким выражением ее национального характера и содер-

жания. Вспоминаются слова Я.П. Полонского из «Грузинских очерков»: «Как после этого сомневаться в национальности грузинской литературы! От царя Вахтанга до царя Ираклия вся она переполнена сказками» [24, с. 24].

2.2. ОРЛ и осетинская литература

«Мемуары» Муссы Кундухова, творчество Инала Канукова и осетинских писателей-этнографов XIX века выражает фазу монолингвизма осетинской литературы (т. е. ее изначального и «стихийного» русскоязычия в условиях отсутствия осетинского литературного образца и осетинской печати); Коста Хетагуров – фазу билингвизма (он первый и ярчайший осетинский писатель-билингв, творчество которого можно рассматривать как модель осетинского литературного билингвизма). На следующем этапе формируется творчество писателей-транслингвов (Батырбек Туганов, Георгий Цаголов, Дзахов Гатуев, Ахмед Цаликов и др.), пишущих на русском языке уже в условиях осетинского литературного билингвизма.

Качественно новый уровень внутренней организации, с которым осетинская литература входит в XX век, связан и с понятием билингвизма осетинской литературы. Строго говоря, билингвальной она стала только к началу XX в.: первые осетиноязычные произведения светского характера – поэма Александра Кубалова «Æфхæрдты Хæсанæ» («Хасана из рода Оскорбленных») и сборник стихотворений Коста Хетагурова «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») – были опубликованы соответственно в 1897 и 1899 гг. В первые десятилетия XX в. развитие осетинской литературы на родном языке идет интенсивно, быстро (младописьменность всегда компенсируется ускоренным темпом эволюции), осваивая разные методологии и жанры.

Очевидно, что возникновение ОРЛ решительно меняет качество и статус ОРЛ. Строго говоря, только ввиду осетиноязычной литературы термин ОРЛ обретает свои необходимые и достаточные основания: транслингвизм возможен только в условиях некоего «лингвизма». И стоит подчеркнуть, что национальное чувство русскоязычных писателей Осетии нисколько не смущалось существованием литературы на родном языке и не порождало никаких внутренних сомнений в собственной культурной миссии; более того, в XX веке представители ОРЛ в гораздо большей мере чувствуют себя представителями осетинской культуры и литературы, чем в XIX.

В этой связи характерен эпизод, о котором в одной из своих программных статей вспоминал Нафи Джусойты. Именно о том, как «кровно обиделась» на него в 1954 году Езетхан Уруймагова, когда он

«в личной беседе... нечаянно назвал ее русской писательницей» [25, с. 61]. Что ж? – обида вполне обоснованная и понятная даже безотносительно этнокультурного качества языка Уруймаговой («расставляю русские слова по-осетински» [26, с. 57]), – из-за одного только тривиального, казалось бы, признания: «...Когда пишу, то словно рассказываю русским людям о своем маленьком народе» [Там же]. Последнее наталкивает на постановку вопроса о целеполагании и культурно-историческом предназначении писательства и литературы: является ли национальной литературой лишь та, что адресована своему народу – или это нечто более широкое и идеологически, и культурно?

В известном смысле верным будет сказать, что до возникновения ОРЛ, до «Ирон фæндыр» Коста Хетагурова, давшего образец осетинского литературного языка, у них (Иналуко Тхостова, Муссы Кундухова, Инала Канукова, писавших только на русском языке) не было литературного отечества. И если современный теоретик не может трактовать их иначе как осетинских писателей, то они сами, скорее, идентифицировали себя как российские литераторы. С появлением же в XX веке литературы на осетинском языке русскоязычный осетинский писатель уже сам не сомневается в своей этнокультурной идентичности, зато другие (обобщим это таким образом) либо ставят ее под сомнение, либо прямо ее отрицают.

Своего рода парадокс осетинского (и других младописьменных народов РФ) литературного билингвизма состоит в том, что ОРЛ выступает первой по хронологии, но ОРЛ выступает первой по сути. И это не стал бы оспаривать ни один русскоязычный писатель Осетии, в том числе Езетхан Уруймагова. ОРЛ – это язык семантического ядра осетинской культуры, язык ее души, ее внутреннего обмена, а ОРЛ – язык по преимуществу ее *ratio* и внешних связей (формально это выражается в том, что литературная критика (Гиго Дзасохов и др.) и общественная и научная мысль (Афанасий Гассиев и др.)⁴ возникла на русском языке и формировалась как русскоязычный текст. Но и последний, заметим, носит зримые признаки не вполне русского текста, в строгом смысле текста билингвального, – будучи насыщен разного рода осетинскими онимами и цитатами. Особенно это заметно, как мы сказали выше, в части ОРЛ, касающейся устного народного предания, Нартов и Даредзанов.

Здесь надо иметь в виду, что все осетинские писатели XX века – порядка 200 персоналий – были по меньшей мере рецептивными билингвами, то есть понимавшими, помимо родного, по меньшей мере еще и русский и (или) грузинский, но в творчестве пользовавшимися только осетинским языком. При-

⁴ Осетинская публицистика, литературная критика и литературоведение (часть этой литературы указана в пар. 1.2) тоже оказали сильное воздействие на развитие ОРЛ в XX веке. Все осетинские писатели были в том или ином виде критиками, а некоторые – Казбек Казбеков, Скифрон (Рюрик Тедеты), Хадзыбатыр Ардасенов, Татари Епхивев, Нафи Джусойты, Хаджи-Мурат Дзуццати, Шамиль Джикаев, Хаджи-Умар Алборов, Сулейман Сабеев и др. – были и дипломированными учеными-литературоведами. Это в строгом смысле имманентный фактор развития ОРЛ и ОРЛ (русскоязычную литературную критику и публицистику мы относим к ОРЛ).

мерно две трети общего числа писателей данного макроцикла составляют продуктивные писатели-билингвы, писавшие на русском и (или) грузинском по меньшей мере публицистику или критику. И еще примерно несколько десятков авторов, включая молодых писателей и поэтов последних десятилетий XX века, являющиеся полными транслингвальными авторами, оставаясь при этом рецептивными билингвами, понимавшими осетинский язык и пользовавшимися им в быту и работавшими в области художественного перевода.

Художественный перевод, естественно, осуществляется в направлении со второго языка на первый (собственно язык творчества). Соответственно, осетинские писатели (моно- и билингвы) переводят, как правило, с русского на осетинский. В отдельных случаях осетинские писатели-билингвы переводят как с русского на осетинский, так и с осетинского на русский (Созрыко Бритаев, Андрей Гулуев, Тотырбек Джатиев, Нафи Джусойты, Казбек Мамукаев и др.). Транслингвальные же осетинские писатели переводят лишь с осетинского на русский язык (Ирина Гуржибекова, Юрий Боциев, Руслан Тотров, Георгий Тедеев, Анатолий Дзантиев и др.), – и эта последняя традиция сохраняет устойчивость на протяжении всего XX века. При этом важно заметить, что воздействие ОЛ на ОРЛ – главным образом идейное и тематическое – естественно и очевидно; произведения Коста Хетагурова, Александра Кубалова, Сека Гадиева, Елбасдуко Бритаева были для осетинских транслингвальных писателей таким же образом просветительства и народности, как и для их последователей, пишущих на родном языке.

Отдельный и не слишком объемный сегмент литературы представляют переводы на осетинский язык произведений ОРЛ: русскоязычные произведения Инала Канукова, Коста Хетагурова, Александра Кубалова перевели на осетинский язык Гаппо Баев, Кудзаг Дзесов, Тотырбек Джатиев, Георгий Джатиев, Нафи Джусойты, Хаджи-Мурат Дзуццати, Камал Ходов; произведения Ахмеда Цаликова и Георгия Цаголова – Георгий Бастауты и Казбек Мамукаев; произведения Дзахо Гатуева и Василия Цаголова – Виталий Колиев, Иссу Плиева – Михаил Басиев и т. д.⁵ В широком смысле эти переводные тексты, как мы отметили выше, относятся к ОЛ.

2.3. ОРЛ и русская литература

Отношение ОРЛ и РЛ для нас возрастает постольку, поскольку к началу XX века осетинская литература, как мы неоднократно постулировали, вышла из «пелен младописьменности» и преодолела «младописьменные комплексы», а ее эволюция в

целом «синхронизировалась» с эволюцией литературной метрополии. Соответственно, в XX веке межлитературные (русско-осетинские) связи имеют огромное «оперативное» значение. Но при этом, как мы увидим, не снижается и роль классической русской литературы XIX века.

Решение данного вопроса мы сознательно сопоставим с теорией взаимодействия семиосфер Ю.М. Лотмана, который, резюмируя труды предшественников (Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского), констатировал, что «всякое внешнее влияние представляет лишь ускоряющий фактор имманентного литературного развития» [27, с. 111]. В самом деле, культура принимает в себя из внешней среды лишь то, что ей органично, а имея в виду ОРЛ, следует прежде всего зафиксировать ту объективную данность, что для осетинской культуры зарекомендовал себя исторически органичным русский язык как таковой.

Основные закономерности и характеристики литературного процесса в России в значительной мере корректируют литературное движение в Осетии и, разумеется, в наибольшей степени – развитие его русскоязычной «ветви» [28, с. 4]. Априори (в свое время будут даны и эмпирические подтверждения) можно утверждать, что общность знаковой системы (языка), посредством которой обеспечивается непосредственное сцепление с внешней средой, гарантирует особую интенсивность влияния.

При этом влияние немыслимо в качестве однонаправленного акта. Хотя это не всегда очевидно, влияние всегда взаимно: в частности, переводы русских писателей из осетинской литературы объективно изменяли, по меньшей мере, некую пограничную область русской культурной семиосферы.

Что касается осетинской культуры, то она, будучи полностью погружена в космос русской литературы и русского языка, испытывает мощное проникающее воздействие на всех уровнях; важный нюанс состоит в том, что РЛ воздействует на ОРЛ не только непосредственно, через наличествующий прямой (языковой) контакт, но и опосредованно – через воздействие на ОЛ (ядро). Это следует иметь в виду постольку, поскольку даже полные писатели-транслингвы XX века читали на родном языке, – в том числе и переводы, выполненные осетинскими авторами.

Конечно, данное вводное рассмотрение вопроса не позволяет (да и не обязывает) вскрыть тонкости всех творческих влияний, подражаний и заимствований, но они, несомненно, имели место. И лучший способ определить в общем и с удовлетворительной точностью вектор этих влияний – очертить круг русских авторов, которые были приоритетны для

⁵ Мы опускаем в данном рассмотрении переводы из литератур народов СССР и ближнего и дальнего зарубежья на осетинский или русский язык, выполненные осетинскими писателями [23, с. 28], а также переводы из ОЛ и ОРЛ на иностранные языки и языки народов СССР. Разумеется, это тоже важное обстоятельство, показывающее, как крепнет и ширится голос осетинской культуры, как растет его эволюционная база, но обстоятельство в данном случае второстепенное. Единственная существенная причина упомянуть его – это то, что указанные переводы (в обоих направлениях) в абсолютном большинстве случаев осуществлялись посредством русскоязычного текста или подстрочника: это еще раз подчеркивает значение русского языка для полнокровного бытия осетинской культуры.

осетинского (в том числе и русскоязычного) художественного сознания. Вот что мы видим: уже в 00–30-е гг.⁶ на осетинский язык были переведены Цоцко Амбаловым – рассказы⁷ Л.Н. Толстого, М. Горького, В.Г. Короленко; Бабу Зангиевым – повести Л.Н. Толстого; Цомаком Гадиевым – стихи Демьяна Бедного; в 40–80-е гг. Нигер (Иван Джанаев) перевел басни И.А. Крылова, отрывки из комедии А.С. Грибоедова, прозу и драматургию А.С. Пушкина, стихи М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета; Грис Плиев и Андрей Гулуев – стихи и поэмы В.В. Маяковского и А.Т. Твардовского; Татары Епхив – стихи М.А. Светлова; Хадо Плиев и Хадзыбатыр Ардасенов – стихи Н.А. Некрасова, Сергей Булацев – прозу А.П. Гайдара, Созрыко Бритаев – прозу А.А. Фадеева; Казбек Бадоев – прозу Д.А. Фурманова; Кудзаг Дзесов – прозу Валентина Катаева и Бориса Горбатова; в 80–90-е годы Резо Чочиев и Мелитон Казиты перевели рассказы и пьесы А.П. Чехова; Елиоз Бекоев – прозу М.А. Шолохова; Тазрет Бесаев, Ашах Токаев и Георгий Гагиев – пьесы А.Н. Островского; Георгий Дзугаев – стихи М.В. Исаковского; Нафи Джусойты – роман в стихах А.С. Пушкина, Георгий Кайтуков – поэмы А.С. Пушкина и стихи С.А. Есенина и Н.С. Тихонова; Георгий Джатиев – роман Н.А. Островского; Грис Плиев – стихи и трагедии М.Ю. Лермонтова; Александр Царукаев – стихи А.Л. Барто и К.И. Чуковского; Михаил Басиев – стихотворную сказку П.П. Ершова; Давид Темиряев – пьесы И.С. Тургенева, М. Горького и М.Ф. Муссиенко; Реваз Асаев – стихи К.М. Симонова, Сафар Хаблиев – прозу Ю.В. Бондарева и В.Ф. Пановой, Музафер Дзасохов – прозу В.М. Шукшина и В.Г. Распутина; Ахсар Кодзати – стихи В.Я. Брюсова, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака и А.А. Ахматовой, Асиат Наниева – прозу Г.И. Газданова, Казбек Мамукаев – стихи Н.С. Гумилева и А.А. Тарковского, Энвер Хохоев – стихи В.В. Высоцкого, Виталий Колиев – прозу А.И. Солженицына.

Это далеко не полный, но вполне репрезентативный очерк той части русской литературы, которая существенно воздействовала на осетинское общественное и индивидуальное (творческое) сознание – и в подавляющем большинстве это произведения ярко выраженного прогрессивно-демократического, реалистического направления. Нет сомнений в том, что соответствующие сюжеты, образы, композиционные и стилистические приемы («Сон Макара» и «Огни» В.Г. Короленко, «Силуян» Демьяна Бедного, «Старуха Изергиль» и «Песня о Буревестнике» М. Горького, «Казачьи» и «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Владимир Ильич Ленин» В.В. Маяковского, «Гренада» М.А. Светлова, «Молодая гвардия» А.А. Фадеева и др.) были усвоены и стали

факторами художественного сознания осетинских писателей. Это тем более, что многие из указанных выше переводчиков были билингвальными осетинскими писателями, то есть писавшими на русском языке по меньшей мере публицистику и литературную критику.

Большое значение в литературном процессе Осетии имели непосредственные контакты осетинских и русских писателей. В XIX веке к таким контактам, и то с известными оговорками, можно отнести лишь сотрудничество наших первых этнографов с В.Ф. Миллером, знакомство К.Л. Хетагурова с Б.М. Городецким (братом поэта Сергея Городецкого) и А.Г. Ардасенова с В.Г. Короленко [29, с. 70]; а для XX века такие контакты становятся явлением совершенно обычным и рутинным. И все же укажем наиболее яркие прецеденты: в 1907 г. Цоцко Амбалов посещает Л.Н. Толстого в Ясной Поляне [30, с. 8]; в 1920 г. Дзахо Гатуев встречается с В.В. Маяковским [31, с. 199], в 20–30-х гг. Хаджи-Мурат Мугуев общается с М. Горьким, М.А. Булгаковым, И.Г. Эренбургом [32], в 30–40-х гг. Езетхан Уруймагова сотрудничает с Н.С. Тихоновым и Ю.Н. Либединским [26, с. 53–65], в 50–60-х гг. Сергей Марзоев, Георгий Кайтуков, Михаил Цирихов, Максим Цагараев, Исса Плиев имеют беседы с М.А. Шолоховым [33, с. 88]. Эти и многие другие контакты, очевидно, сыграли роль, выходящую за границы индивидуального творческого опыта, а впредь целые плеяды осетинских писателей учились в Литературном институте им. М. Горького, слушали лекции и участвовали в семинарах маститых русских авторов.

Кроме того, при исследовании ОРЛ XX века надо иметь в виду знаковые события советского литературного процесса – пленумы правления союза советских писателей, съезды российских и советских писателей (1934, 1954, 1959, 1967, 1971, 1976, 1981, 1986 гг.), в которых регулярно участвовали представители осетинской литературы, декады осетинской культуры и литературы в Москве, съезды писателей Северной и Южной Осетии, дни Коста Хетагурова в России и Александра Пушкина в Осетии и другие культурные мероприятия, вносившие подчас ощутимые коррективы в плотный и многовекторный, живой и интенсивный обмен «литературных веществ».

2.4. ОРЛ и советская идеология (художественный метод ОРЛ XX века)

Вместе с методичным и перманентным влиянием РЛ в литературу Осетии в первые десятилетия XX века вошла новая аксиологическая система, новая философия жизни, истории и искусства. Если ОРЛ XIX – начала XX века носит по преимуществу просветительский характер, соответствующий за-

⁶ Предлагаемое здесь деление на три этапа отнюдь не является периодизацией литературного процесса (данный вопрос будет рассмотрен ниже); это лишь условное деление, нацеленное на общую привязку литературных явлений к хронологической шкале XX в.

⁷ Здесь и далее подобные определения надо понимать только как указание рода и жанра переведенных произведений: разумеется, на осетинский язык были переведены не все рассказы Толстого, не все стихи Пушкина, не все пьесы Островского.

дачам младописьменной культуры, нацеленной на формирование и манифестацию национальной идентичности, то в ОРЛ XX века актуализируется новая надстройка – государственная (советская, коммунистическая) идеология, марксизм-ленинизм, исторический материализм, пролетарский и социалистический реализм.

Конечно, не стоит представлять себе дело таким образом, что указанная громоздкая и жесткая надстройка («Литература должна стать партийной» [34, с. 99]; «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, "колесиком и винтиком" одного-единого, великого социал-демократического механизма» [Там же]) подмяла под собой национальный характер ОЛ и ОРЛ. Революционная идеология начала XX века резонировала с чаяниями абсолютного большинства осетинского народа, тысячи представителей которого (в их числе – видные писатели) принимали сознательное и непосредственное участие во всех русских революциях, в утверждении социализма и советской власти. Ярким литературным выражением этого обстоятельства выступает тот факт, что среди горских народов осетины первыми перевели на свой язык «Манифест Коммунистической партии» (Батырбек Туганов, 1905) и «Марсельезу» (Елбасдуко Бритаев, 10-е гг.), а в 20-е гг. в Осетии было известно уже пять вариантов перевода «Интернационала» (Гино Бараков, Цомак Гадиев, Андрей Гулуев, Казбек Бутаев, Бидзина Кочиев) [35, с. 27]. Здесь же надо упомянуть, что уже в 1924 году в Москве была основана ассоциация пролетарских писателей «Зиу» (и одноименный альманах, в котором сотрудничали Сармат Косирати, Царай Бритаев, Арон Плиев, Казбек Бутаев, Созырко Кулаев), послужившая «прообразом» союзов писателей Северной и Южной Осетии [36].

Тем более для описания поэтики ОРЛ XX века необходимо выявить соотношение этнокультурного дискурса и идеологического нарратива: как они в разное время взаимодействовали, сопрягались и конфликтовали в литературном тексте? Каково было в широком смысле «проецирование общественно-исторических коллизий на национальную почву» [37, с. 288]? Как коррелируют коммунистическая идеология и «ориентация на основы национального сознания, на духовный и исторический опыт народа» [Там же, с. 280]?

Очевидно, при такой постановке вопроса не обойти одну из коренных проблем советской эстетики – отношение социалистического содержания и национальной формы. Для исследователя ОРЛ специфика вопроса заключается в том, что здесь пресловутая национальная форма лишается языкового компонента. То есть здесь мы снова возвращаемся к феномену языка, хоть на другом уровне, – но алгоритм решения вопроса остается, в сущности, прежним. Этнокультурный субстрат (базис) проникает и русский язык (первую надстройку), и советскую идеологию (вторую надстройку). Речь

идет об автономии духа, для которого внешние формы – как языковые, так и идеологические – выступают лишь частичным ограничением. Верно, что «эпохе тоталитаризма, утверждавшей приоритет политики над искусством, наукой, философией, не удалось разрушить «художника в человеке» и «человека в художнике» [38, с. 433]. Мы бы только добавили к этому, что тоталитаризму не удалось разрушить и осетина в художнике.

С учетом обширной литературы по этому вопросу, так или иначе восходящей к известным сталинским догматам («Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, – такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму» [39, с. 137]; «...русская, украинская, белорусская и другие культуры являются социалистическими по содержанию и национальными по форме, то есть по языку» [40]), было бы целесообразным помнить о неоднородном, сложном диалектическом единстве формы и содержания, при котором форма способна превращаться в содержание, а содержание в форму [41]; что «одно дело образ, как форма отражения действительности, другое – форма художественного образа» и, следовательно, «необходимо... учитывать различие между языком и формой в искусстве» [42, с. 177]. Иначе говоря, язык в литературоведческом исследовании надо понимать не в собственном лингвистическом, а в эстетическом аспекте, а национальную форму следует рассматривать «как содержательную и историческую категорию, всегда толкуя ее в расширительном смысле (таковы высказывания А. Фадеева, П. Скосырева, Л. Климовича, М. Каммари, П. Беркова, Г. Ломидзе, Г. Корабельникова, П. Трофимова и многих других авторов)» [41]. Русский язык Батырбека Туганова, Георгия Цаголова, Георгия Малиева, Арсена Коцоева, Ахмеда Цаликова, Дзахо Гатуева, Езетхан Уруймаговой, Георгия Черчесова, Нафи Джусойты, Василия Цаголова, Анатолия Дзантиева, Руслана Тотрова, Георгия Черчесова невозможно отделить от содержания – и национального, и идеологического; он вовсе не свидетельствует об отсутствии национальной формы; национальная форма их произведений, вне языка в лингвистическом плане, включает «неповторимый (...) склад характера, психологические, эмоциональные особенности народа» [43, с. 51], «отзвук его песен, обычаев, нравов, традиций» [41], которым, помимо прочего, имманентны и базовые элементы классового сознания. Мы хотим сказать, что диктатура пролетариата и пролетарский реализм в ОЛ и ОРЛ были восприняты прежде всего как право и правда трудового человека, как вера в добро и справедливость, – именно в таком качестве они и работали в недрах осетинского литературного сознания.

Выявление национальной формы текстов ОРЛ

в свое время покажет нам, что мы имеем дело не с «советской литературой Осетии» (это не филологическое, а географическое понятие), а именно с осетинской советской художественной литературой, с ее особой, транслингвальной ветвью, с одной из основных форм общественного сознания этнических осетин XX века⁸.

3. Заключение

История литературы – это сложный, многоуровневый процесс, включающий в себя и эволюцию эпитета, и развитие жанра, и становление творческого метода. При этом на всех уровнях развитие определяется двояко – как внутренними, имманентными факторами, так внешними; и среди последних, применительно к осетинской русскоязычной литературе XX века, в качестве ближайших неизбежно актуализируются осетинское устное народное творчество, осетинская литература, русская литература и советская идеология (внутренние, или имманентные факторы, выражающиеся зримо лишь в исторической динамике, мы условились рассмотреть позднее, в рамках следующих статей).

При рассмотрении реальных, эмпирически достоверных внешних воздействий на литературу наиболее продуктивным представляется теория механизмов семиозиса, для которой Ю.М. Лотман находил аналогии в учении о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского; факторы литературного взаимодействия сводятся, в сущности, к явлению перевода (в широком и узком семиотическом значении).

Такой подход к проблеме подвигает к схематичному, но адекватному представлению, в целом упорядочивающему множество разноречивых нюансов: осетинская русскоязычная литература занимает срединное, переходное положение между собственно осетинской литературой (литературой на осетинском языке) и собственно русской лите-

ратурой, образуя с обеими пересекающиеся зоны, и в значительной мере (без учета внутренних факторов) приводится в движение этим двояким сцеплением, усваивая, соответственно, и двойное наименование: по идее это литература осетинская, по материи – русская (именно русскоязычная).

Что корни этой литературы погружены в осетинскую культурную почву, видно из плодов, произрастающих на древе ОРЛ: огромная их часть представляет собой, как мы видели, произведения, написанные на основе национального фольклора и эпоса или под влиянием соответствующих образов и мотивов, – и это выявляет значение фольклорного фактора в ее развитии, работающего уже не в пространственном, синхронном срезе, а во временном (связь по вертикали).

Общее рассмотрение факторов развития ОРЛ календарного XX века обязывает уделить львиную долю внимания, соответственно занимаемому ими временному отрезку, советской идеологии и социалистическому реализму. По отношению к идейному содержанию ОРЛ требования социалистической идейности выступают лишь дополнительной надстройкой; этнокультурный субстрат ОРЛ проникает как языковую (русскоязычную) форму, так и политическую идеологию, окрашивая ее в свои национальные тона и в лучших образцах придавая типичным сюжетным линиям и конфликтам соцреализма национальный изгиб и драматизм (примеры будут приведены в свое время). Идеологическая надстройка оказывает на ОРЛ значительное влияние, это бесспорно; но догмы соцреализма были органично восприняты (переведены на язык внутренней культурной семиосферы) как насущные и необходимые требования; тем более что они отвечали древней, запечатленной в народном эпосе, сказках и песнях мечте о торжествующей правде трудового человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хугаев И.С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление: Автореф. ... д-ра филол. наук по спец. 10.01.02 Литература народов Российской Федерации. – Владикавказ, 2010. 47 с.
2. Рамонов С.Д. «Русскоязычие» как проблема национальных литератур // Дарьял, 1996. № 1.
3. Джусойты Н.Г. О национальной самобытности писателя // Джусойты Н.Г. Книга друзей. – Нальчик: Эльбрус, 2003. 176 с.
4. Рамонов С.Д. Проблема национального и интернационального (общечеловеческого) в трилогии В.М. Цаголова «Послы гор»: Автореф. ... к-та филол. наук по спец. 10.01.02 Литература народов Российской Федерации. – Владикавказ, 2000. 50 с.
5. Абаев В.И. Отзыв о диссертации Н.Г. Джусойты «История осетинской литературы: дореволюционный период», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук // Письма Васо Абаева / Сост. Н.Г. Джусойты. – Цхинвал: Южная Алания, 2008. 79 с.

6. Абаев В.И. За родную речь // Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995. 724 с.
7. Жуковский В.А. Конспект по истории литературы и критики // Жуковский В.А. Эстетика и критика. – М.: Искусство, 1985. 431 с.
8. Толстой Л.Н. Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана // Толстой Л.Н. Что такое искусство? – М.: Современник, 1985. 592 с.
9. Газданов Г.И. Вечер у Клер // Газданов Г.И. Призрак Александра Вольфа. – М.: Художественная литература, 1990. 701 с.
10. Валаев Р.Г. Талант и доллар // Валаев Р.Г. Алмаз – камень хрупкий: Новеллы о драгоценных камнях. Рассказы. – URL: <http://lib.ru/PRIKL/WALAEW/almaz.txt> (дата обращения: 18.10.2025).
11. Розанов В.В. Кавказские впечатления // Розанов В.В.

⁸ Естественно, что не вся осетинская литература была захвачена «мейнстримом» пролетарского и социалистического реализма. Этот вопрос будет освещен в следующих статьях, развивающих тему. Разумеется, были и влияния символизма и декаданса, которые испытали на себе Алихан Токаев, Илас Арнигон, Давид Хетагуров, Георгий Малиев, Дзахо Гатугев и другие осетинские поэты, проводником которых тоже был русский язык (см., напр.: [44]), но здесь мы говорим об основных факторах.

- Иная земля, иное небо... (Полное собрание путевых очерков). – М.: Танаис, 1994. 735 с.
12. Андерсен Г.-Х. Волшебный холм // Андерсен Г.-Х. Сказки. – М., 1978. 350 с.
13. Абаев В.И. Отзыв о рецензии Нафи Джусоева на собрание сочинений К. Хетагурова // Письма Васа Абаева / Сост. Н.Г. Джусойты. – Цхинвал: Южная Алания, 2008. 79 с.
14. Панеш У.М., Соколова Г.В. Отечественная литература XX века: основные факторы формирования и развития // Мир науки, культуры, образования, 2023. № 4 (101). С. 273–276.
15. Хоружев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе: Ир, 1971. 193 с.
16. Очерк истории осетинской советской литературы. – Орджоникидзе, 1967. 420 с.
17. Пушкин А.С. ПСС: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949.
18. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. 478 с.
19. Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. 478 с.
20. Третьякова Е.А. К вопросу о роли перевода в литературном и языковом процессе // Вестник ЧГУ, 2011. С. 93–97.
21. Джикаев Ш.Ф. Осетинская литература: краткий очерк. – Орджоникидзе, 1980. 112 с.
22. Цит. по: Сидельников В.М. Писатель и народная поэзия. – М.: Современник, 1974. 191 с.
23. Дзалапарова Е.Б. Художественный перевод в осетинской литературе: к проблеме адекватности переводных текстов. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 312 с.
24. Полонский Я.П. Делибаштала. Грузинская сказка. Из путевых набросков 1847 года // Полонский Я.П. Проза. – М.: Советская Россия, 1988. 496 с.
25. Джусойты Н.Г. Что это такое – родной язык писателя? // Джусойты Н.Г. Книга друзей: сочинения последних лет. – Нальчик: Эльбрус, 2003. 176 с.
26. Цориева И.Т. «Осетины» Езетхан Уруймаговой: история романа // Известия СОИГСИ, 2018. № 30 (69). С. 53–65.
27. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. 478 с.
28. Салагаева З.М. Четыре этюда об осетинской прозе. – Орджоникидзе: Ир, 1970. 245 с.
29. Ардасенов Х.Н. Очерк развития осетинской литературы. (Дооктябрьский период). – Орджоникидзе, 1959. 284 с.
30. Цаллагов В.Н. Несколько слов о Цоцко Амбалове // Амбалов Ц.Б. Сочинения. – Владикавказ: Ир, 1991. 309 с.
31. Гатугев Д.А. Миронич // Гатугев Д.А. Избранное. – М.: Художественная литература, 1970. 286 с.
32. Шанаев В.Ф. Штык и перо... через три войны. – URL: <https://ossetians.com/rus/news.php?newsid=869> (дата обращения: 21.10.2025).
33. Сабаев С.Б. Михаил Шолохов и осетинская литература // Сабаев С.Б. Литературно-критические статьи. – Владикавказ, 1996. 103 с.
34. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. ППС: В 55 т. – М., 1967–1975. Т. 12.
35. Нигер (И.В. Джанаев). Что такое художественный перевод и как переведен на осетинский язык «Интернационал» // Нигер. Собр. соч.: В 3-х т. – Владикавказ: Ир, 1968. Т. 3.
36. Харебов Б.К. Писатели Осетии довели свой процесс объединения до логического завершения // Республика, 15 окт. 2013 г.
37. Мамиева И.В. Жанровые признаки романной эпопеи в осетинской литературе: корреляция между идеологическим и национально-этническим // Научный диалог, 2020. № 10. С. 280–296.
38. Фидарова Р.Я. История осетинской этики: В 2-х т. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012. Т. 2. 568 с.
39. Сталин И.В. О политических задачах университета народов Востока: Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. – М.: Политиздат, 1946–1951. Т. 7. 424 с.
40. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. – URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_26.htm (дата обращения: 02.08.2025).
41. Зелинский К. Национальная форма и социалистический реализм // Вопросы литературы, 1957. № 3. – URL: <https://voplit.ru/article/natsionalnaya-forma-i-sotsialisticheskij-realizm/> (дата обращения: 02.08.2025).
42. Ванслов В.В. О форме и содержании в искусстве // Вопросы марксистско-ленинской эстетики. – М.: Госполитиздат, 1956. 375 с.
43. Фадеев А.А. Литература и жизнь. – М.: Советский писатель, 1939. 166 с.
44. Хетагурова Д.К. Творчество Алихана Токаева и эстетика символизма: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – Владикавказ, 2005. 177 с.

REFERENCES

1. Khugaev I.S. Osetinskaya russkoyazichnaya literatura: genezis i stanovlenie: Avtoref. ... d-ra filol. nauk po spets. 10.01.02 Literatura narodov Rossiiskoi federatsii. – Vladikavkaz, 2010. 47 с.
2. Ramonov S.D. «Russkoyazichie» kak problema natsionalnikh literatur // Daryal, 1996. № 1.
3. Dzhusoiti N.G. O natsionalnoi samobitnosti pisatelya // Dzhusoiti N.G. Kniga druzei. – Nalchik: Elbrus, 2003. 176 с.
4. Ramonov S.D. Problema natsionalnogo i internatsionalnogo (obshchechelovecheskogo) v trilogii V.M. Tsagolova «Posli gor»: Avtoref. ... k-ta filol. nauk po spets. 10.01.02 Literatura narodov Rossiiskoi federatsii. – Vladikavkaz, 2000. 50 с.
5. Abaev V.I. Otziv o dissertatsii N.G. Dzhusoiti «Istoriya osetinskoi literatury: dorevolutsionnii period», predstavlennoi na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk // Pisma Vaso Abaeva / Sost. N.G. Dzhusoiti. – Tskhinval: Yuzhnaya Alaniya, 2008. 79 с.
6. Abaev V.I. Za rodnyuyu rech // Abaev V.I. Izbrannye trudi: Obshchee i sravnitelnoe yazykoznanie. – Vladikavkaz: Ir, 1995. 724 с.
7. Zhukovskii V.A. Konspekt po istorii literatury i kritiki // Zhukovskii V.A. Estetika i kritika. – М.: Iskustvo, 1985. 431 с.
8. Tolstoi L.N. Predislovie k sochineniyam Gyui de Mopassana // Tolstoi L.N. Chto takoe iskustvo? – М.: Sovremennik, 1985. 592 с.
9. Gazdanov G.I. Veher u Kler // Gazdanov G.I. Prizrak Aleksandra Volfa. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 701 с.
10. Valaev R.G. Talant i dollar // Valaev R.G. Almaz – kamen khрупkii: Novelli o dragotsennikh kamnyakh. Rasskazi. – URL: <http://lib.ru/PRIKL/WALAEW/almaz.txt> (data obrashcheniya: 18.10.2025).
11. Rozanov V.V. Kavkazskie vpechatleniya // Rozanov V.V. Inaya zemlya, inoe nebo... (Polnoe sobranie putevikh ocherkov). – М.: Tanais, 1994. 735 с.

12. Andersen G.-Kh. Volshebnyi kholm // Andersen G.-Kh. Skazki. – M., 1978. 350 s.
13. Abaev V.I. Otviz o retsenzii Nafi Dzhusoeva na sobranie sochinenii K. Khetagurova // Pisma Vaso Abaeva / Sost. N.G. Dzhusoiti. – Tskhinval: Yuzhnaya Alaniya, 2008. 79 s.
14. Panesh U.M., Sokolova G.V. Otechestvennaya literatura XX veka: osnovnye faktori formirovaniya i razvitiya // Mir nauki, kulturi, obrazovaniya, 2023. № 4 (101). S. 273–276.
15. Khoruev Yu.V. Pechat Tereka i tsarskaya tsenzura. – Ordzhonikidze: Ir, 1971. 193 s.
16. Ocherk istorii osetinskoj sovetskoi literaturi. – Ordzhonikidze, 1967. 420 s.
17. Pushkin A.S. PSS: V 16 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 12. Kritika. Avtobiografiya. 1949.
18. Lotman Yu.M. Dinamicheskaya model semioticheskoi sistemi // Lotman Yu.M. Izbrannie stati: V 3-kh t. T. 1. Stati po semiotike i tipologii kulturi. – Tallin: Aleksandra, 1992. 478 s.
19. Lotman Yu.M. O semiosfere // Lotman Yu.M. Izbrannie stati: V 3-kh t. T. 1. Stati po semiotike i tipologii kulturi. – Tallin: Aleksandra, 1992. 478 s.
20. Tretyakova Ye.A. K voprosu o roli perevoda v literaturnom i yazikovom protsesse // Vestnik ChGU, 2011. S. 93–97.
21. Dzhikaev Sh.F. Osetinskaya literatura: kratkii ocherk. – Ordzhonikidze, 1980. 112 s.
22. Tsit. po: Sidelnikov V.M. Pisatel i narodnaya poeziya. – M.: Sovremennik, 1974. 191 s.
23. Dzaparova Ye.B. Khudozhestvennii perevod v osetinskoj literature: k probleme adekvatnosti perevodnykh tekstov. – Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A, 2014. 312 s.
24. Polonskii Ya.P. Delibashkala. Gruzinskaya skazka. Iz putevikh nabroskov 1847 goda // Polonskii Ya.P. Proza. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1988. 496 s.
25. Dzhusoiti N.G. Chto eto takoe – rodnoi yazik pisatelya? // Dzhusoiti N.G. Kniga družei: sochineniya poslednykh let. – Nalchik: Elbrus, 2003. 176 s.
26. Tsorieva I.T. «Osetini» Yezetkhan Uruimagovoi: istoriya romana // Izvestiya SOIGSI, 2018. № 30 (69). S. 53–65.
27. Lotman Yu.M. K postroeniyu teorii vzaimodeistviya kultur // Lotman Yu.M. Izbrannie stati: V 3-kh t. T. 1. Stati po semiotike i tipologii kulturi. – Tallin: Aleksandra, 1992. 478 s.
28. Salagaeva Z.M. Chetire etyuda ob osetinskoj proze. – Ordzhonikidze: Ir, 1970. 245 s.
29. Ardasenov Kh.N. Ocherk razvitiya osetinskoj literaturi. (Dooktyabrskii period). – Ordzhonikidze, 1959. 284 s.
30. Tsallagov V.N. Neskolko slov o Tsotsko Ambalove // Ambalov Ts.B. Sochineniya. – Vladikavkaz: Ir, 1991. 309 s.
31. Gatuev D.A. Mironich // Gatuev D.A. Izbrannoe. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1970. 286 s.
32. Shanaev V.F. Shtik i pero... cherez tri voini. – URL: <https://ossetians.com/rus/news.php?newsid=869> (data obrashcheniya: 21.10.2025).
33. Sabaev S.B. Mikhail Sholokhov i osetinskaya literatura // Sabaev S.B. Literaturno-kriticheskie stati. – Vladikavkaz, 1996. 103 s.
34. Lenin V.I. Partiynaya organizatsiya i partiynaya literatura // Lenin V.I. PPS: V 55 t. – M., 1967–1975. T. 12.
35. Niger (I.V. Dzhanaev). Chto takoe khudozhestvennii perevod i kak pereveden na osetinskii yazik «Internatsional» // Niger. Sobr. soch.: V 3-kh t. – Vladikavkaz: Ir, 1968. T. 3.
36. Kharebov B.K. Pisateli Osetii doveli svoi protsess obedineniya do logicheskogo zaversheniya // Respublika, 15 okt. 2013 g.
37. Mamieva I.V. Zhanrovie priznaki romanno epopei v osetinskoj literature: korrelyatsiya mezhdue ideologicheskimi i natsionalno-etnicheskimi // Nauchnyi dialog, 2020. № 10. S. 280–296.
38. Fidarova R.Ya. Istoriya osetinskoj etiki: V 2-kh t. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. T. 2. 568 s.
39. Stalin I.V. O politicheskikh zadachakh universiteta narodov Vostoka: Rech na sobranii studentov KUTV 18 maya 1925 g. // Stalin I.V. Sochineniya: V 13 t. – M.: Politizdat, 1946–1951. T. 7. 424 s.
40. Stalin I.V. Marksizm i voprosi yazikoznaniya. – URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_26.htm (data obrashcheniya: 02.08.2025).
41. Zelinskii K. Natsionalnaya forma i sotsialisticheskii realizm // Voprosi literaturi, 1957. № 3. – URL: <https://voplit.ru/article/natsionalnaya-forma-i-sotsialisticheskij-realizm/> (data obrashcheniya: 02.08.2025).
42. Vanslov V.V. O forme i sodержanii v iskusstve // Voprosi marksistsko-leninskoi estetiki. – M.: Gospolitizdat, 1956. 375 s.
43. Fadeev A.A. Literatura i zhizn. – M.: Sovetskii pisatel, 1939. 166 s.
44. Khetagurova D.K. Tvorchestvo Alikhana Tokaeva i estetika simvolizma: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. – Vladikavkaz, 2005. 177 s.

